

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Анастасии Орловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Александрова, Наталья.

А46 Ключ от вечности : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-113308-5

В течение нескольких веков из поколения в поколение передавалась легенда о докторе Фаусте, ученом-чернокнижнике, заключившем договор с дьяволом. Что получил Фауст в обмен на свою душу? Одни считают, что знания, другие — богатства, третьи — некий артефакт, с помощью которого можно изобрести эликсир вечной молодости. После смерти доктора ценный предмет побывал в руках многих, но затем был надежно скрыт от людских глаз.

По прошествии многих лет артефакт всплыл на свет божий, и это вызвало череду странных событий, прокатившихся по Санкт-Петербургу и его окрестностям. Некоторые очевидцы утверждали, что видели самого сатану.

Петербургская домохозяйка Надежда Лебедева была человеком рациональным и в нечистую силу не верила, однако после автомобильной аварии с ней стали происходить события, не поддающиеся объяснению...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113308-5

© Н. Александрова, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Надежда проснулась оттого, что кто-то тихо разговаривал рядом.

— И вот иду это я вечером, темнеет уже, а Мани моей нет как нет. Такая была прохиндейка, все время норовила отвязаться. Уж как ее к колышку ни притачаешь, а сосед у меня моряком раньше был, научил узлы морские вязать, — так и то Маня узлы те разматает и в лес убежит. И чего ей в том лесу надо было? Искала, в общем, приключений на свою голову... Или не на голову, а...

«Какая Маня? — подумала Надежда. — Почему Маня? Кто это вообще разговаривает? Телевизор, что ли? Так у меня в спальне телевизора нет...»

Она пошевелилась и открыла глаза. Точнее, попыталась открыть. Не получилось. Левый глаз вообще залип намертво, а правый после долгих усилий приоткрылся на маленькую щелочку, дальше веко не поднималось. И сквозь эту щелочку Надежда увидела какую-то белую стену, а потом что-то прозрачное в полоску.

— Вера, открой окно, что-то душно стало! — слышался тот же незнакомый голос.

Тотчас чья-то тень проплыла мимо, потом слышался скрип, и Надеждино лицо ощутило поток свежего ветерка.

«Значит, это окно, — догадалась она, — а на нем жалюзи».

— Так-то лучше, — снова заговорил тот же человек. — Тепло сегодня, прямо как летом. Хоть подышим...

«Но это не мое окно, — заволновалась Надежда, — у меня не жалюзи, а занавески. И карниз другой. Где я?»

Она снова попыталась открыть левый глаз, чтобы увеличить обзор. Не получилось. Тогда она решила помочь глазу рукой, но левая рука оказалась к чему-то привязана и никак не хотела подниматься. Надежда потрясла головой, отчего та взорвалась болью, да такой сильной, что Надежда застонала.

И неожиданно стало легче. В голове прояснилось, правый глаз открылся как следует, а левый — наполовину. И Надежда увидела над собой потолок. Чистый, недавно побеленный, но, несомненно, не тот, что был в ее спальне. У нее подвесной, и люстра красивая, а здесь обычный плафон.

— Гляди-ка, — снова слышался голос, — кажись, в себя пришла. Заворочалась, точно как моя Нюська в хлеву. Рассказывала я тебе про Нюську? Ух и умная была — страшное дело! Как резали ее, очень я переживала...

Надежда с трудом повернула голову и увидела на соседней кровати грузную старуху. Седые волосы были аккуратно заплетены в тоненькую косицу, из-под клочковатых бровей бойко смотрели маленькие внимательные глазки.

— Очнулась? — спросила старуха. — Вот и ладненько, вот и хорошо. Вера, кликни-ка доктора или сестричку. Хотя эта егоза Светка и так прибежит, когда капельница кончится.

И Надежда наконец поняла, отчего так неудобно лежать: в левой руке капельница. Тут в поле ее зрения появилась женщина в махровом халате. Все темечко и половину лба у нее закрывала повязка.

«Шапочка Гиппократ», — вспомнила Надежда школьные уроки гражданской обороны. Физрук тогда показывал, как делать эту повязку на ее подружке Алке Тимофеевой. Мальчишек он отставил сразу — вертеться будут, у остальных девчонок были косы, а Алка назло родителям сделала короткую стрижку.

— С возвращением, Ира, — улыбнулась женщина. — Скоро на поправку пойдете.

— Но я не... — начала Надежда, но женщина уже выглянула за дверь, откуда послышался ее крик:

— Алексей Степаныч, Муравьева очнулась!

«Почему Муравьева?» — удивилась Надежда, но сказать ничего не успела, так как в палату в сопровождении медсестры вкатился коломом низенький толстенький мужчина лет шестидесяти, в белом накрахмаленном халате, с трудом сходя-

щемся на круглом животе, с маленькой седой бородкой и ясными голубыми глазами. При его появлении Надеждины соседки по палате засияли, даже грузная старуха приподнялась на койке и проговорила радостно:

— Здравствуйте, Алексей Степаныч!

— Как живем, красавицы? — осведомился доктор, оглядывая палату. — Вы, я вижу, идете на поправку! — улыбнулся он женщине в шапочке Гиппократ, а потом подошел к Надежде.

Медсестра подставила ему стул, он опустился на него, сцепил руки перед грудью, точнее перед животом, и проговорил:

— Это доктор, это доктор, добрый доктор Айболит! Ну, здравствуйте, дорогая Ирина Павловна! Давайте знакомиться. Ваше имя мы оба знаем, а я не доктор Айболит, как меня здесь некоторые называют, а Алексей Степанович, заведующий отделением. Нам с вами предстоит близкое общение.

— Почему... — невнятно проговорила Надежда.

Она хотела спросить, почему доктор называет ее Ириной Павловной, но язык с трудом ворочался во рту, и произнести такую длинную фразу она не смогла. Доктор же понял ее вопрос по своему.

— Почему нам предстоит близкое общение? — переспросил он. — Потому, милая, что у вас черепно-мозговая травма, а с этим не шутят! Мы с вами будем лечиться, лечиться и лечиться! Всех излечит, исцелит добрый доктор Айболит! А для начала постараемся поставить диагноз. Если бы

у нас в больнице был томограф, я сказал бы что-то более определенное, но его нет, так что я могу судить только по вашему внешнему виду и по косвенным признакам... Давайте, милая, немножко поработаем. Я понимаю, что вас клонит в сон — мы вам кое-что ввели, чтобы вы не волновались, но сейчас я хочу, чтобы вы со мной пообщались... Для начала скажите, сколько пальцев вы видите?

Он показал Надежде два пальца.

Надежда о таком тесте слышала не раз и сама его применяла на практике, когда подруга Алка свалилась с табурета и ударилась головой о батарею. Алка тогда с негодованием оттолкнула ее руку — у нее, дескать, голова и не такое выдержит, так что сама пальцы считай. Так, кстати, и оказалось.

Поэтому сейчас Надежда слабо улыбнулась и проговорила довольно внятно:

— Два пальца, доктор.

Алексей Степанович засиял, как будто выиграл в лотерею, и потер ручки:

— Отлично, милая, отлично! А теперь следите за моим пальцем, но не вертите головой.

Об этом он мог и не предупреждать, Надежда вертеть головой не могла при всем желании, каждое случайное движение отдавалось в ее голове взрывом боли. Поэтому она послушно следила глазами за толстым пальцем доктора.

И опять он ужасно обрадовался.

Достав из кармана халата маленький фонарик, он осветил Надежде в глаза, приговаривая при этом:

— Вот откуда-то летит маленький комарик, и в руке его горит маленький фонарик...

То, что он увидел, опять очень его обрадовало, он спрятал фонарик и повернулся к сестре, которая стояла рядом, послушно ожидая распоряжений. Достав из кармана разграфленный листок, он повел по нему кончиком карандаша.

— Вот это увеличим до ста пятидесяти... вот это, наоборот, убавим до сорока. А это вообще отменим, это не нужно.

Затем доктор снова повернулся к Надежде и жизнерадостно проговорил:

— Все будет хорошо, милая Ирина Павловна, и вы будете как новенькая! То-то рада, то-то рада вся звериная семья! А теперь скажите мне, милая, что последнее вы помните?

— Помню, как вышла из дома... — неуверенно сказала Надежда.

— Ну что ж, неплохо, совсем неплохо... А что было дальше — не помните?

— Нет, дальше не помню...

— Ну что ж, значит, будем лечиться, лечиться и лечиться... — Доктор встал со стула и выкатился из палаты.

— Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... — проговорила вслед ему Надежда.

После ухода врача к ней в полном объеме вернулся дар речи.

— Он прекрасный врач! — воскликнула соседка с повязкой на голове, молитвенно сложив руки. — Сколько людей спас! Скольким здоровье вернул!

— Это хорошо, — отозвалась Надежда. — Не пойму только, почему он меня называет Ириной Павловной.

— А как же он должен тебя называть? — Соседка подозрительно взглянула на нее. — Ты же и есть Ирина Павловна, Ирина Павловна Муравьева! Вон у тебя и табличка на кровати висит, на всякий случай, чтобы не ошибиться...

— Табличка? — Надежда покосилась на изножье кровати.

Там действительно висела какая-то картонная табличка, но для того, чтобы прочесть, что на ней написано, нужно было встать, а к этому Надежда была не готова.

— Если на клетке слона ты видишь надпись: «Буйвол», не верь глазам своим!

Тетка в повязке и грузная старуха переглянулись, но вслух ничего не сказали.

Вскоре после ухода доктора пришла медсестра и убрала капельницу, после чего Надежда смогла сесть на кровати.

— Ну, — весело сказала грузная старуха, — давай знакомиться. Меня зовут Мария Ивановна, а это вон Вера. А ты, стало быть, Ира, Ирина. Ничего, что я без отчества? Могу, конечно, и Ириной Павловной звать. Некоторые привыкли по отчеству...

«Вовсе я не Ирина Павловна, а Надежда Николаевна, — в панике подумала Надежда. — Надежда Николаевна Лебедева. Но что же это все значит?»

— А как я здесь очутилась? — спросила она.

— Не помнишь? — прищурилась старуха.

— Не помню, — ответила Надежда чистую правду.

— Авария была на шоссе, рейсовый автобус перевернулся, на молоковоз налетел. Ну, смертельных исходов не было, а пострадавших по больницам распихали. Тебя сюда, на неврологию, на хирургии трое лежат. А уж куда и откуда ты ехала, сама думай.

Надежда покачала головой, которая была пуста, как тыква на Хэллоуин.

— Не напрягайся, Ира, — сказала вторая женщина, которую представили Верой. — Доктор сказал: память сама вернется, нужно только время. Ты сутки без сознания была, шутка ли...

— А как узнали, кто я? Я ведь не могла сказать, я же была без сознания...

— Да как же! — удивилась Мария Ивановна. — По паспорту. Паспорт у тебя с собой был, вот и узнали. Муравьева Ирина Павловна, обычная фамилия. Неужели не помнишь?

«Я — Лебедева», — подумала Надежда, но уверенность в этом факте была несколько поколеблена.

— Ты только не волнуйся, — завела прежнюю песню Вера. — Алексей Степанович доктор отличный. Его, я знаю, в город звали, в Институт мозга, а он не поехал. Как же я, говорит, больных своих оставляю, кто же тут-то работать станет?

— А где я вообще? — спохватилась Надежда Николаевна. — Какая это больница?

— Васильковская, — охотно объяснила Мария Ивановна. — Говорю же, авария была на шоссе, так всех пострадавших по окрестным больницам распихали. Тебя в ближайшую, что в поселке Васильково. Неужели не помнишь?

Надежда прислушалась к себе и поняла, что никогда в жизни не слышала этого названия.

— А что это доктор все детскими стихами разговаривает? — спросила она, чтобы сменить тему.

— А это у него внуки, — рассмеялась Вера, — двойняшки, мальчик и девочка, Танечка и Ванечка. Третий годик им пошел, а доктор все книжки им читает, чтобы умнее были. Сейчас как раз до Корнея Чуковского дошли.

Чтобы не отвечать на вопросы, Надежда сама стала спрашивать. И познакомилась с соседками поближе.

Грузная Мария Ивановна прожила всю жизнь неподалеку, в соседней деревне, было у нее свое хозяйство, имелось все, что положено, — и корова, и свиньи, и козы-овцы. Сейчас по причине старости остались только куры и пять гусей. Из-за гусей старуха и пострадала: наклонилась, чтобы насыпать корма, а вожак ее и клюнул в темечко. Она упала и ударилась головой. К счастью, теперь шла на поправку. За птицей в данное время присматривал ее сын Вова, который поначалу очень рассердился на гусей из-за матери и даже хотел свернуть главному гусаку шею, но потом привык жить на природе и даже подумывает переселиться в деревню насовсем, бросив в городе жену-стерву и тещу-змеюку.

Другая соседка по палате, Вера, работала учительницей литературы в местной школе, и нерадивый ученик по фамилии Сундуков уронил ей на голову гипсовый бюст писателя Тургенева. Бюст был достаточно тяжелый, поскольку писатель Тургенев обладал приличного размера бородой. Тоже, разумеется, гипсовой. Сундуков по просьбе Веры полез на шкаф за учебными пособиями и задел бюст рукавом. Причем злой умысел Вера категорически отрицала, поскольку Иван Сергеевич Тургенев был единственным писателем, которого двоечник Сундуков уважал, благодаря незабвенной Муму. Так что не стал бы он рисковать бюстом, который мог свалиться не на голову учительницы, а на пол.

За неспешным разговором подошло время обеда.

Надежда от обеда отказалась, ее мутило даже от запаха еды из столовой. Тогда соседки ушли, пообещав принести ей стакан компота.

Оставшись одна, Надежда попыталась думать спокойно. Что вообще происходит? Отчего она ничего не помнит? Ну, допустим, она и правда попала в аварию, но какого черта она делала в том рейсовом автобусе? Она даже не удосужилась спросить, в какую сторону он ехал — в город или из города.

Хотя какая разница, если в голове нет буквально ничего. Пустота. И как, интересно, в ее сумке мог оказаться паспорт какой-то Муравьевой? И где тогда ее собственные документы?

Потому что если человек едет куда-то далеко, то обязательно возьмет с собой паспорт.

А что, если... что, если они правы, и у нее от травмы все спуталось в голове. Замешалась тут и какая-то Надежда Лебедева. Может, она подруга Муравьевой или соседка.

— Не может быть! — вслух сказала Надежда. — Я помню подругу Алку Тимофееву, мы с ней с первого класса сидели за одной партой. А никакой Муравьевой не знаю!

В пустой палате голос прозвучал неуверенно и жалко. Сомнения напоздали черной тучей.

Трясущейся рукой Надежда взяла зеркало, которое Вера оставила на тумбочке по ее просьбе. В зеркале отразилась жуткая опухшая рожа. Левый глаз заплыл, всю левую щеку покрывал лиловый синяк, даже челюсть казалась смещенной на сторону. Узнать себя в этой роже было никак невозможно.

Надежде стало совсем плохо. Она отбросила зеркало и вытянулась на кровати, потом осторожно пощупала челюсть. Зубы, кажется, целы, и то хорошо.

«Руки мои, — подумала она, поднеся пальцы ближе, — на прошлой неделе маникюр делала у Оли в салоне. А вот тут царапина, это Бейсик, паршивец, потрудился».

Осознав эту мысль, Надежда едва не подскочила на кровати. Голова отозвалась острой болью, но она не обратила на это внимания. Были у нее проблемы посерьезнее.